
РОССИЯ В МИРЕ И МИР В РОССИИ

Россия и Финляндия как европейские общества

М. КИВИНЕН

Вскоре после того как распался Советский Союз, в моду вошли рассуждения о том, что история приходит к своему концу. Завершается эпоха вселенских бурь и потрясений, порожденных глобальными противостояниями. Многим в те времена казалось, что Россия, наконец-то, станет в один ряд с другими европейскими государствами, что еще немного и она войдет в западное сообщество и как одна из стран Европейского Союза, и как член НАТО. Этого, однако, не произошло: верх взяли противоположные тенденции, в основе которых лежало стремление России снова утвердить себя в качестве великой державы. Возникает закономерный вопрос: что произошло? Какие противоречия определили российский поворот в области безопасности и внешней политики? Каким обществом стала Россия по истечении двух десятилетий реформ и как ее своеобразие может быть учтено в политической и экономической жизни ее ближайшего соседа – Финляндии?

Ключевые слова: социальная структура, сакральные коды, рыночные реформы, диверсификация экономики, социальная защита населения

Модернизация в России и Финляндии

В настоящей статье я намереваюсь предложить финский взгляд на то, что происходит в российском обществе. Важно в самом начале определить, в чем отличаются друг от друга два рассматриваемых общества – российское и финское, и как эти различия представлены в работах финских обществоведов.

На сегодняшний день у нас есть все основания считать Финляндию страной, добившейся немалых успехов в самых разных областях жизни. Финляндия – демократическая страна, в которой исключена возможность политического насилия, где никого не преследуют за инакомыслие, где невозможны судебные процессы над людьми, не согласными с деятельностью властей. В стране нет террористических организаций, в ней нет терактов, уносящих жизни невинных граждан. В течение всей послевоенной истории страны в парламенте были полноценно представлены как левые, так и правые партии. Левые и правые партии менялись местами, сменяли друг друга в правительстве, но всякий раз передача власти осуществлялась в соответствии с конституцией, обходилась без потрясений для общества. Большинство экспертов сходятся в том, что в стране создана современная, конкурентоспособная экономика. Тридцать лет назад Финляндия была известна только как производитель древесины и сопутствующих продуктов, сейчас в ней располага-

ются самые современные производства, ориентированные на высокие технологии, вычислительные устройства. Несмотря на очевидный прогресс, а может во многом благодаря ему, стране удалось избежать раскола на бедных и богатых, рядовых граждан и тех, кто «равнее всех других».

В международной практике степень развития общества принято измерять разными способами. В некоторых случаях используется индекс SEN, в котором учтен, с одной стороны, валовый национальный продукт, с другой, – то, как он распределяется между гражданами страны, уровень равенства в доступе к национальным богатствам (таблица 1). По этому показателю скандинавские государства находятся в группе лидеров, опережая даже такую развитую страну как США. В расчете на душу населения валовый национальный продукт Норвегии несколько больше американского, но в измерении равенства США находятся далеко позади не только Норвегии, но и любого другого европейского государства, о чем свидетельствуют соответствующие значения коэффициента Джини.

Таблица 1. Валовой внутренний продукт и индекс бедности SEN*

Регион	ВВП в долл. США (ППС), (в скобках – ранг)	Gini	SEN-index, (в скобках – ранг)
Северные страны	35 018 (2)	.256	26 053 (1)
Центральная Европа	32 331 (3)	.313	22 211 (3)
Великобритания	35 872 (1)	.352	23 245 (2)
Южная Европа	24 438 (4)	.359	15 665 (4)
Бывшие соцстраны	14 010 (5)	.311	9 653 (5)
Болгария	9 032 (12)	.292	6 395 (12)
Эстония	15 478 (9)	.358	9 937 (9)
Венгрия	17 887 (7)	.269	13 075 (7)
Польша	13 847 (10)	.345	9 070 (10)
Россия	10 847 (11)	.399	6 518 (11)
Словения	22 273 (6)	.284	15 947 (6)
Словакия	15 871 (8)	.258	11 776 (8)
Украина	6 848 (13)	.281	4 942 (13)

* Валовой внутренний продукт ВВП и индекс бедности SEN

- **Благосостояние нации**
- **Валовой внутренний продукт ВВП**
 - Номинальный
 - По паритету покупательной способности (ППС)
 - ППС вычисляется на основе стоимости жизни и инфляции
- **Индекс бедности SEN: ВВП (1-gini)**
 - Gini: от 0 (= совсем без разницы в доходах [доходы всех индивидов/децилей одинаковы]) до 1 (= единственный индивидуум/один дециль заберет все доходы)

Как же мы, финны, достигли таких успехов? Во-первых, необходимо принять во внимание тот факт, что финский этос – это сплав трех важных духовных начал – капиталистического, предпринимательского духа, социалистической утопии о равенстве и счастье всех граждан обществе и мечты о свободном крестьянине [Kettunen 2001; Кивинен, Никула 2006]. Дух капитализм был выпестован финскими предпринимателями, социалистическая утопия – финским рабочим классом, его надеждами, его мечтой, а мечта о свободном крестьянстве – практикой финской сельской жизни. Ни одно из названных начал не является только финским «изобретением», но финское общество приняло их, сплავило в один духовный комплекс и трансформировало себя в соответствие с этим комплексом. На протяжении многих десятилетий финское общество неукоснительно следовало принципу учета прав и требований разных групп населения. Эта политика позволила укрепить социальные права граждан, создать государство всеобщего благосостояния, конкурентоспособную экономику и социальное устройство, в котором удобно, комфортно чувствует себя не только какая-то одна социальная группа, а все граждане.

Не нужно думать, что процессы, ведущие финское общество по пути развития, не создавали никаких сложностей. В отдельные периоды новейшей истории финнам пришлось мириться с опустошением некоторых обширных территорий, исчезновением некоторых форм хозяйственной деятельности и том числе форм, традиционных для финской культуры. То, что сейчас оценивается без оговорок как движение вперед, в какие-то периоды финской истории рассматривалось как утрата, как печальные, а иногда и трагические события. Соединить вместе три такие разные этические системы было очень нелегко, игра духовных начал рождала острые проблемы, которые не могла решить по отдельности ни одна социальная группа.

И все же даже с учетом этого следует признать, что по накалу страстей, трагизма российская история значительно опережает финскую. Дело здесь даже не в том, что Россия являлась и является великой державой, а Финляндия нет (сравните: [Кивинен 2002 и Здравомыслов 1999]). Различий гораздо больше, и некоторые из них более важны, чем размер страны или ее влияние в мире. Обе страны прошли периоды урбанизации и индустриализации, но в России, в отличие от Финляндии, духовным началам, продвигавшим страну по пути развития, был один этос, одна система идей. Советская модернизация имела в основании социалистическую утопию, особенность которой заключалась в тяготении к упрощенному, антиномичному видению мира. Речь идет о бинарных кодах, которые разрывали общественное сознание на сакральное и профанное, благо и зло, прогресс и реакцию (таблица 2). Сакральные коды порождают мотив действия, придают импульс социальным процессам, но они же, в рамках проекта модернизации, соединяясь с условиями бытия людей, порождают то, что можно определить как непреднамеренные последствия [Кивинен 2002, с. 182–183]. Эти непреднамеренные последствия выражались в таких явлениях как хаос, они не были вписаны в программу социалистических преобразований, а потому табуированы в официальных кодах советского общества.

Прошло двадцать лет с тех пор, как Советский Союз прекратил свое существование. В этот период Россия стремилась уйти от старых шаблонов, выбрать новый маршрут модернизации. Как выглядят результаты этого движения сегодня?

Таблица 2. Резкий дуализм большевистской модернизации как единственный этос

НАУКА	versus	РЕЛИГИЯ
ПРОГРЕСС	versus	ОТСТАЛОСТЬ
РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИЛ	versus	БЕДНОСТЬ
ГОРОД	versus	ДЕРЕВНЯ
РАБОЧИЙ КЛАСС	versus	БУРЖУАЗИЯ
ПАРТИЯ	versus	ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ

Стратегические вызовы российской модернизации

В данном разделе статьи мы рассмотрим состояние современного российского общества с точки зрения его социальной структуры и российского государства с точки зрения его отношений с другими обществами и странами. В заключение мы рассмотрим более подробно проблему отношений между Россией и Финляндией.

Более десяти лет назад мировые СМИ заинтересовано следили за тем, каково состояние здоровья Бориса Ельцина. Мне, в числе других экспертов, пришлось отвечать на вопросы о том, как скажется состояние здоровья российского президента на политической ситуации в России. Позднее стало понятно, что неверной, ошибочной была сама постановка вопроса. Необходимо было спрашивать экспертов не о том, как чувствует себя Ельцин, а о том, что происходит в российской экономике. Предметом беспокойства должны были стать подозрительные сделки российских компаний, которые с очевидностью вели страну к банкротству. В ходе реформ в России возникла виртуальная экономика, незаинтересованной в реальном производстве. На микроуровне российские предприятия по-прежнему действовали так, как будто они были частью плановой экономики, а не экономики рыночного типа. Эти проблемы, однако, оставались за рамками обсуждения того, что происходило на тот момент в России. Всемирный Банк продолжал кредитовать российское государство, оно же быстрыми темпами накапливало долги. Все это продолжалось до августа 1998 г., когда крах российской экономики обнаружил все ее подлинные язвы.

Возникает вопрос, а какие вопросы следует сегодня задать, чтобы выяснить, что на самом деле происходит в России? Средства массовой информации по-прежнему размениваются на вопросы о том, «чем сейчас занят Владимир Путин?» или «сильный или слабый руководитель Дмитрий Медведев?». На самом деле ни один из вопрошающих не имеет и не может получить на них правдивого ответа. Но самое главное: подобные вопросы не имеют принципиального значения ни для настоящего, ни для будущего России. Если обсуждение политических проблем превращается в балаган, самые важные вопросы уходят на второй план, исчезают из поля зрения. Между тем Россия сегодняшняя сталкивается с острыми, масштабными проблемами, с которыми нужно справляться, но для которых при этом нет очевидных, лежащих на поверхности решений. Россия – это важная страна, она важна не только в силу своих размеров или мощи, но и в силу

того, что все происходящее в ней – хорошее или плохое – имеет тенденцию выплескиваться за ее границы, влиять на ее соседей, в числе которых находится и Финляндия. Именно поэтому не только для россиян, но и финнам нужно ставить правильные вопросы о российской ситуации и получать на них точные ответы.

Если средства массовой информации склонны преувеличивать значение личностей, гипертрофировать влияние единичных событий, то обществоведы, напротив, склонны преувеличивать влияние крупномасштабных тенденций таких, как глобализация. «Россия в глобальном мире», как это красиво звучит, но как мало говорит нам о том, что действительно происходит в этой стране. Глобализация – это, как правило, общий концепт, подразумевающий множество многосторонних, многоуровневых экономических, политических и культурных процессов. Но чтобы понять Россию, одних только общих идей недостаточно, необходимо знание характерных для нее экономических, политических и социальных структур. Эти структуры формируются процессами распределения ресурсов и установления правил игры [Giddens 1984, Ledeneva 2001]. Подобные структуры необходимо изучать на разных уровнях – как на уровне экономики в целом, так и на уровне отдельного предприятия, отдельного гражданина или потребителя. Некоторые западные исследователи склоняются к тому, что представить Россию пленницей ее прошлого. Одна из популярных концепций подобного плана базируется на «патримониальной модели», предлагающей рассматривать современную Россию носителем идей авторитаризма и государственного диктатора, держащего под контролем российский бизнес¹. Противоположный подход сконцентрирован на идее «перехода» страны к будущему, в котором Россия будет стабильно развиваться под влиянием системных особенностей рыночной экономики, демократии, либерального правительства, торжества законности². Оба подхода рассматривают развитие России как процесс, обусловленный важными факторами структурного плана. Финские исследователи ставят оба эти подхода под сомнение. С их точки зрения, развитие любого общества, российского в том числе, следует рассматривать как выбор, стоящий перед правящими элитами и населением, а также как действия, совершаемые в рамках этого выбора. Они исходят из того, что современная Россия сталкивается с четырьмя важными вызовами, отвечать на которые придется ее политикам. От того, какой ответ они выберут, зависит развитие страны и ее будущее.

1. Россия должна решить проблему своей идентичности, определить, в каком направлении она будет двигаться – в сторону Запада или в сторону Востока.
2. Россия должна слезть с «нефтегазовой иглы» и сделать экономику более диверсифицированной.
3. Политическая система современной России представляет собой гибрид формальной демократии и авторитарной политической практики. Страна должна решить, пойдет ли она по пути развития демократии или будет продолжать авторитарную линию.
4. Повседневная жизнь в России тяжела, рядовой гражданин не имеет полноценной социальной защиты. Необходимо всерьез приняться за строительство системы, обеспечивающей гражданину полноценную защиту его социальных прав.

¹ О патримониальной модели см.: [Pipes 1997, Pipes 1994, p.501-505, Rosefelde 2007].

² О разных аспектах теории переходной экономики см.: [World Bank 2000; World Bank 2002; OECD 2001; Larjavaara 2007; Heusala 2005; Кивинен, Нукула 2006].

Обсуждая проблемы, стоящие перед Россией, нужно понимать, что каждая из них не имеет какого-то одного, единственно правильного решения. Дело в том, что Россия не является однородной совокупностью, имеющей общие интересы. Структурные факторы, конечно же, влияют на то, что происходит в стране, но не они определяют выбор, который совершают политики. Следует понимать, что в каждой социальной группе российского общества протекают сложные процессы, исследуя которые необходимо принимать во внимание не только изменения структуры, но и фактор политических противостояний. На самом высоком уровне понимания основная проблема России – это не столько нехватка или избытие ресурсов, сколько направление политики и формулирование правил игры.

Диверсификация экономики

Период после дефолта 1998 г. отмечен в России быстрыми темпами экономического роста. В немалой степени это произошло благодаря резкому повышению цен на энергоносители. Сказались также успехи в управлении экономикой, которые правительства Путина может поставить себе в заслугу – досрочная выплата государственных долгов, профицитный бюджет, огромные золотовалютные резервы (147 млрд долл.), накопленные страной к концу 2008 г. У России появились свободные ресурсы и благодаря им возможность определять стратегию развития на ближайшее и отдаленное будущее. Глобальный экономический кризис несколько ослабил позиции России, но не отменил самой необходимости сделать выбор, определяющий направление развития.

Во-первых, Россия должна осуществить структурные изменения в экономике³. Она, российская экономика, по-прежнему слишком сильно зависит от производства и экспорта энергоносителей. Необходимо отойти от подобной ориентации, создавать новые конкурентоспособные отрасли промышленности. На решение этой задача направлена программа четырех «И», сформулированная бывшим президентом Медведевым: инвестиции, инновации, развитие инфраструктуры, создание жизнеспособных институтов. Задача поставлена, но не определены пути ее решения. Неясно, как можно ее реализовать в условиях существующих структурных ограничений. Ресурсов вроде бы достаточно, но не они, а правила игры становятся главной проблемой⁴. Нет полной ясности относительно того, на чьей стороне играют крупные российские предприятия, поддерживают ли они планы правительства или ведут свою линию. Необходимо принимать во внимание, что крупные компании являют собой сложные бюрократические, властные иерархии. Как любые подобные структуры, они сталкиваются с собственными противоречиями, им свойственны собственные интересы, отличные от интересов государства.

³ О состоянии российской экономики см.: [Sutela 2007; Korhonen, Juurikkala 2009; Korhonen, Mehrotra 2007]. О роле энергетики см.: [Gazprom (1)/(2)2009; Gromov 2008; Kivinen (1) 2007; Dusseault 2007; Aalto, Dusseault, Kennedy, Kivinen (2) 2007, Aalto 2008]

⁴ Сравните финский взгляд на ситуацию: [Russia 2017... 2007; Russia of Challenges 2008].

Рамки международного сотрудничества

Необходимо понять, какую роль играет Россия в современных международных отношениях. Как следует рассматривать современную российскую политическую систему? В настоящее время в среде западных экспертов нет согласия по этим вопросам, высказываются разные, порой противоположные точки зрения. Некоторые исследователи полагают, что между Россией и Советским Союзом остается все меньше различий. Другие эксперты признают Россию более или менее нормальной европейской страной⁵. Думается, что такой плюрализм толкований связан с тем, что в международном контексте сосуществуют несколько разных реальностей.

Позвольте начать с фреймов глобальной политической системы, сложившейся после окончания «холодной войны» [Goffman 1976]. Россия и Запад действуют в рамках нескольких фреймов, управляющих современными международными отношениями. Мы используем теорию фреймов для того, чтобы подчеркнуть универсальный характер рассматриваемых нами устойчивых структур. Речь идет не о специфических формах межгосударственных отношений, а о том, что находится над ними. Фрейм – это не просто некая идеология, которой руководствуются государства. Данная категория дает нам возможность описать устойчивые практики, преобладающие в отношениях между государствами, которые, свою очередь, позволяют прогнозировать развитие событий на международной арене. В настоящее время в отношениях между государствами сосуществуют три основных фрейма:

1. Ориентация на возврат к «холодной войне» и ее продолжение;
2. Ориентация на перераспределение власти между разными полюсами силы;
3. Международное сотрудничество, базирующееся на консенсусе, договоренностях, достигаемых внутри международных организаций, соглашениях и общей заинтересованности в том, чтобы избегать рисков [Kivinen 2009, p. 136–139].

Во время недавней российско-грузинской войны в мире раздавались голоса, звучавшие как эхо «холодной войны». Некоторые западные эксперты и политики призывали провести линию различия между «демократическим» и «авторитарным капитализмом». Представлять второй вариант должны были Россия и Китай [Lucas 2008]. Российские средства массовой информации вторили этой позиции, выставляя Шанхайскую организацию сотрудничества как потенциального глобального противника НАТО. Стремление вернуться в окопы «холодной войны» прослеживалось с обеих сторон. В том фрейме, который предполагает возврат к подобному состоянию, партнер превращается во врага, а взаимодействие рассматривается как игра с нулевой суммой. В этом фрейме основным наследником «холодной войны» является НАТО – реальный военный альянс, способный действовать по отношению к России с позиции силы. Для российской военной политики НАТО у границ страны становится самой значительной военной угрозой. «Холодная война» еще не вернулась, потому что отсутствуют два мощных военных блока, противостоящих друг другу, но, как показывают события недавнего прошлого, движение в эту сторону возможно.

⁵ Сравните, с одной стороны: [Sakwa 2008] и с другой стороны [Kagan 2007, Lucas 2008].

Вторым фреймом, характерным для современных международных отношений, можно считать борьбу между великими мировыми державами. В XIX веке данный фрейм находился на первом плане, регулируя практики международных отношений. В российской «симфонии» он часто представлял первую скрипку, играя роль консервативной, стабилизирующей силы. Неудивительно поэтому, что в России и сейчас немало тех, кто тоскует о потерянном ею величии и готов видеть в международных отношениях только борьбу держав за влияние и власть. Китай разделяет с Россией идею многополярного мира, в этом фрейме обе страны рассматривают быстро развивающиеся государства – Японию, Индию, Бразилию, Индонезию – как силу, способную противостоять гегемонии США. Придерживаясь подобных позиций, можно любые процессы и события рассматривать как борьбу за гегемонию. В этом фрейме российская внешняя политика выглядит как борьба за сохранение «сферы влияния», в которую входит вся территория бывшего СССР. Что касается объединенной Европы, то она в этом фрейме представлена как слабый, малоэффективный игрок. Российско-грузинский конфликт показал, что урегулированию конфликта способствовал не Европейский Союз, а Франция, одно из входящих в него государств. Сыграл свою роль тот факт, что Франция – бывшая колониальная держава, которая до сих пор держит сотни тысяч солдат за пределами своей территории. Председательствуя в ЕС, Франция использовала эту организацию для защиты своих интересов, например, для ослабления растущего влияния Китая в Африке. В ходе российско-грузинского конфликта Россия и Франция быстро нашли общий язык, потому что обе страны как мировые державы все еще строят свою политику на базе фрейма «реальной силы». Очевидно, что небольшим государствам таким, как Финляндии, в подобном фрейме уготована роль пешек в руках реальных игроков, определяющих мировой баланс силы.

Европейский союз – основной фактор становления третьего фрейма в межгосударственных отношениях. Мы назвали этот фрейм «консенсусным», потому что определяющая роль в нем принадлежит договорным отношениям и международным организациям. Существуют, разумеется, самые разные международные организации – ООН, Совет Европы, ОБСЕ, но не будет преувеличением сказать, что Европейский союз отличается от них тем, что реализует первый в истории проект мирных отношений между разными странами. Не стоит забывать, что европейская интеграция началась с желания «успокоить» Германию. В первой половине двадцатого века Германия дважды развязывала мировые войны, и все европейские страны были заинтересованы в том, чтобы трагедия не повторилась. Сегодня уже никто не боится Германии, проект, начавшийся с определения общих экономических интересов, построения общей экономики, в корне изменил ситуацию. В настоящее время существует необходимость «успокоить» Россию. Несмотря на то, что третий фрейм набирает силу в мировом, а особенно европейском масштабе, он все еще недостаточно влиятелен, чтобы решить эту задачу. У ЕС отсутствуют рычаги воздействия на развитие ситуации внутри России. Так случилось, что «общий европейский дом», о котором еще говорил Горбачев, был построен без России. А это означает, что консенсуса в отношениях с Россией приходится в каждом случае добиваться заново.

Многие эксперты-международники склонны к тому, чтобы видеть в международных отношениях, сформировавшихся после «холодной войны», только один из фреймов. Отсюда различия в оценках современной ситуации. Однако, если принять факт существования нескольких фреймов, то необходимо вместе с ним при-

нять как реальность того, что отношения с Россией строятся на нескольких уровнях. Европа должна покончить с перспективой возвращения к «холодной войне» и ввести отношения с Россией в русло консенсусной игры. Успокоить Россию – это главная задача нашего поколения.

Внутренняя политика России

А что же происходит внутри российской политики? Действительно ли Россия – это пример авторитарного капитализма, как все чаще утверждают политики и эксперты на Западе? Складывается впечатление, что политическую систему России легче описывать в формате отрицательных, чем положительных суждений. Россия, безусловно, не является тоталитарным государством или диктатурой. Но значит ли это, что Россия – это демократическое государство? С формальной точки зрения, да, она – демократия, но только если не оценивать ее скандинавскими мерками. В России существует многопартийная система и, если судить по официальным заявлениям, в ней уважается закон и работает система сдержек и противовесов. Однако на деле силы, способные противостоять российскому правящему классу, крайне слабы. Слабы не только оппозиционные партии, но и правовые институты, защищающие права гражданина. Даже на уровне Конституции полномочия президента в России шире, чем в США или Франции. Еще более значим тот факт, что в России социальные интересы слабо представлены в политическом поле [Kivinen 2009, Sakwa 2008]. Современную российскую политическую систему я определил бы как «массовую демократию». В ней социальные классы плохо организованы и не имеют адекватного представительства в политике. Подлинная борьба за власть разворачивается внутри элиты, а средства массовой информации служат связующим звеном между элитой и аморфными массами.

Особость России как массовой демократии еще и в той политической культуре, которая сложилась в ней после распада СССР. Я бы охарактеризовал эту культуру как своего рода «палимпсест» – состояние, при котором прошлое нельзя подавить или стереть. Палимпсест – это метафора, обозначающая сохранения культурной памяти в виде живого вибрирующего слоя под новой поверхностью [Matich 2005, Кивинен 2002, с. 181–223]. Отзвуки прошлого звучат даже в тех вопросах, которые часто ставятся в российском обществе: «Поставили ли Путина в известность?», «Насколько эффективна вертикаль власти?», «Какова роль «силовиков» в российской элите?», «Является ли суд над Ходорковским показательным процессом?». Уже сами они свидетельствуют о том, что наследие авторитарного прошлого не преодолено в полной мере, что авторитарные практики по-прежнему имеют широкое распространение в российской политике.

И все же, с исторической точки зрения, Россия сейчас гораздо плюралистичнее и свободнее, чем когда-либо в прошлом. Плюрализм заключается не в том, что политические институты стали доступны для оппозиции, а в том, что в самом обществе социальная, политическая и религиозная жизнь стала гораздо более разнообразной. Политическая легитимность российской власти может уместиться в одном понятии – порядок. Говоря социологическим языком, порядок – это и есть сейчас существо российской гражданской религии [Bellah 1967]. Очевидно, что восстановление порядка рассматривается российским обществом как более

важное направление, чем возрождение православия [Kahla 2007, Turunen 2005]. Несмотря на экономический рост, в российском обществе остается множество очагов нестабильности. Ухудшается состояние здоровья населения, растет число насильственных преступлений, увеличивается число несчастных случаев и самоубийств, нарастают социальные различия. Наиважнейшая задача президента России состоит в том, чтобы привести порядок в повседневную жизнь, сделать общество более благополучным, а жизнь российских граждан более прогнозируемой.

Модель государства всеобщего благосостояния

Возможно благополучия, о котором мечтают россияне, не удастся достичь в короткие сроки. Однако двигаться в этом направлении необходимо, пусть даже это движение будет постепенным, поэтапным. Конечно, и без этого, Россия все равно останется сильным государством. Однако модель, в рамках которой в России сильное государство сосуществует со слабым обществом, не отвечает интересам финского народа. В этой модели всегда есть опасность возрождения старых угроз и возникновения новых.

В России существуют ожидания того, что экономический рост и обильные финансовые ресурсы приведут к повышению уровня жизни населения. Мы не склонны считать, что российская элита настолько отчуждена от российской повседневной жизни, что не понимает этого [Gaman-Golutvina 2009]. Для нее повышение благополучия граждан – это тот «неизбежный политический долг», которые предстоит выплачивать годами и десятилетиями. Состояние социальных институтов в России таково, что не нуждается в пространных комментариях. Главная задача состоит в том, чтобы не ограничиваться отдельными действиями, а придать политике создания новой социальной инфраструктуры системный характер.

Советская политика социальной защиты держалась на двух основаниях. Первое из них заключалось в государственной политике предоставления льгот некоторым социальным группам. Второе – плановая экономика, заставлявшая предприятия предоставлять льготы работникам. В ходе перехода к рынку оба основания разрушились, похоронив под своими обломками всю систему социальной поддержки [Cook 2007, Kivinen 2009, Kulmala 2008]. Так называемая «монетизация льгот» стала попыткой компенсировать населению утрату социальных льгот советского типа [Осадчая 2006; Петухов 2006; Williamson, Howling, Maroto 2006]. Западные эксперты предлагали реформу задолго до того, как российское правительство решилось, наконец, провести ее в жизнь. Результат «монетизации» хорошо известен: средства массовой информации и оппозиция подвергли реформу уничтожающей критике. Реформа привела к массовым демонстрациям и протестам, которые не затихают и сейчас, семь лет спустя после ее начала. Необходимо понимать, что старая социальная система, продолжая быть неэффективной, коррумпированной, все же обеспечивала необходимыми ресурсами некоторые социальные группы. Созданная в рамках плановой экономики, эта система не могла полноценно решить те социальные проблемы, которые возникали в новых рыночных условиях. Старые льготы не могли закрыть бреши, образовавшиеся в результате расширения масштабов бедности и безработицы.

В советском обществе уровень жизни был скромным, но стабильным. Предприятия обеспечивали его воспроизводство, сохраняя рабочие места и предоставляя льготы своим работникам. В стране не было безработицы, что естественно для плановой экономики, ориентированной на экстенсивное использование рабочей силы. Возникшая в постсоветский период рыночная экономика потребовала уменьшения затратности производства, максимальной экономии средств. Логика рынка изменила микроструктуру экономических институтов, в этом контексте предприятия не могли более играть роль институтов социальной поддержки.

В ближайшие годы основной проблемой российской внутренней политики будет создание новой социальной инфраструктуры и разработка основ новой социальной политики. Подобный поворот потребует финансирования социальных программ, а также установления новых правил в сфере социального обеспечения. Западный опыт подсказывает нам, что ключевыми игроками в этих процессах, как правило, являются социальные классы и негосударственные общественные организации. Если же и те, и другие слабы, а это – сегодняшняя российская ситуация, то контроль над процессом немедленно устанавливают политические силы, представляющие элиту и профессиональные сообщества. Неясно, насколько эффективно может быть социальная политика, предложенная этими игроками.

Западные специалисты полагают, что, формулируя новую социальную политику, Россия неизбежно прибегнет к помощи зарубежных экспертов. Если бы Запад и Россия смогли начать продуктивный диалог по этим вопросам, российское общество смогло бы воспользоваться обширным опытом, накопленным западными государствами.

Социальная защищенность, обеспечение социальных прав и благополучия всех граждан являются важнейшими достижениями финского, а также других скандинавских обществ. Важнейшая задача европейской внешней политики заключается в том, чтобы в мире, оставившем в прошлом «холодную войну», обеспечить на базе общих интересов защищенность обычных граждан, их жизни, а также строить отношения между народами посредством постоянного диалога и консенсуса.

Литература

- Кивинен М. (2002) Прогресс и хаос: Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб.: Академический проект.
- Кивинен М., Никула Ю. (2006) Исследуя переходный период // Мир России. № 1.
- Осадчая Г.И. (2006) Льготы в контексте реформирования социальной политики // Социологические исследования. № 11.
- Петухов В.В. (2006) От монетизации льгот к национальным проектам // Социологические исследования. № 12.
- Здравомыслов А.Г. (1999) Социология российского кризиса. М.: Наука.
- Aalto P., Dusseault D., Kennedy M., Kivinen M. (2007) Is Russia Becoming an Energy Superpower? // The Social Structuration of Russia's Energy Sector Paper presented at the ICCEES Regional Conference Berlin, 2–5 August 2007.
- Aalto P. (ed.) (2008) The EU–Russian Energy Dialogue. Europe's Future Energy Security. Ashgate.
- Bellah R.N. (1967) Civil Religion in America // Dædalus. № 1.
- Clarke S. (ed.) (1996) Conflict and Change in the Russian Enterprise. Edward Elgar.

- Cook L.J.* (2007) *Postcommunist Welfare states: Reform Politics in Russia and Eastern Europe*. Cornell UP.
- Dusseault D.* (ed.) (2007) *The Dynamics of Energy in the Eurasian Context // Aleksanteri Series. № 3.*
- Esping-Andersen G.* (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Polity Press. Princeton UP.
- Gaman-Golutvina O.* (2009) *The Changing Role of the State and State Bureaucracy in the Context of Public Administration Reforms: Russian and Foreign Experience // In Anton Oleinik (ed.) Reforming the State without Changing the Model of Power? Routledge.*
- Gazprom (1) (2009) *About Major Projects Nordstream Historical Background // www.gazprom.com/eng/articles/article22901.shtml*
- Gazprom (2) (2009) *About Major Projects Southstream // www.gazprom.com/eng/articles/article27150.shtml*
- Giddens A.* (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. University of California Press.
- Goffman E.* (1976) *Frame Analysis: an essay on the organisation of experience*. Harvard.
- Gromov A.* (2008) *Russian Energy Strategy for the Period up to 2030: the Way to the Innovative Energy Development. II International exhibition-congress «21st century perspective technologies», Workshop «Energy technology collaboration: global challenges and coordinated global response» Moscow, Sep. 30 – Oct.1 2008 // www.iea.org/textbase/work/2008/neet_russia/Gromov.pdf*
- Heusala Anna-Liisa* (2005) *The Transitions of Local Administration Culture in Russia*. Kikumora Publications.
- Institute for Energy Strategy (2007) *Koncepcija Energeticheskoi Strategii Rossii na Period do 2030 (proekt), k zhurnalu Energeticheskaya Politika // www.energystrategy.ru/materials/koncepc.htm*
- Juurikkala T., Simon-Erik O.* (2006) *Russian energy sector – prospects and implications for Russian growth, economic policy and energy supply // BOFIT Online. № 4.*
- Kagan R.* (2007) *End of Dreams. Return of History. Policy Review.*
- Kahla E.* (2007) *Life as Exploit: Representations of Twentieth-Century Sainly Women in Russia*. Kikumora Publications.
- Kangas O.* (2008) *Well-being in Comparison. Evidence from European Social Survey. Paper presented in Aleksanteri Conference 2008: Welfare and Agency in Russia and Eastern Europe. Stakes, Helsinki, 11 December 2008.*
- Kettunen P.* (2001) *Mitä yhteiskunta tekee Pohjoismaissa? // Tiede ja Edistys. № 4.*
- Kivinen M.* (1) (2007) *Classes in the Making. Russian Class Structure in Transition. In Göran Therborn (ed.): Inequalities of the World. Verso.*
- Kivinen M.* (2) (2007) *Frames of Russian Energy Policy in Transition. In David Dusseault (ed.): The Dynamics of Energy in the Eurasian Context // Aleksanteri Series. № 3.*
- Kivinen M.* (2009) *Russian Societal Development: Challenges Open. In Hiski Haukkala & Sini-kukka Saari (ed.): Russia Lost or Found. Patterns and Trajectories. Edita.*
- Korhonen I., Mehrotra A.* (2007) *Money demand in post-crisis Russia: De-dollarisation and re-monetisation // Emerging Markets Finance and Trade, forthcoming.*
- Korhonen I., Juurikkala T.* (2009) *Equilibrium exchange rates in oil-dependent countries // Journal of Economics and Finance. № 1.*
- Kulmala M.* (2008) *Kansalaisyhteiskunta ja valtio Venäjän Karjalassa // Futura. № 2.*
- Larjavaara I.* (2007) *Funktionaalinen transitioteoria: Hallinto, oikeusjärjestys ja instituutiot Venäjällä. Kikumora publications.*
- Ledeneva A.* (2001) *How Russia Really Works*. London: Centre for European Reform.
- Lucas E.* (2008) *The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West*. Bloomsbury.
- Matich O.* (2005) *Erotic Utopia: the decadent imagination in Russia's fin-de-siecle*. University of Wisconsin Press.
- OECD (2001): *The Social Crisis of Russian Federation*. Paris.
- Pipes R.* (1994) *Russia under the Bolshevik Regime 1919–1924*. Fontana Press.
- Pipes R.* (1997) *Russia under the Old Regime. Second Edition*. Penguin.
- Rosefielde S.* (2007) *The Russian Economy: From Lenin to Putin*. Blackwell.
- Russia 2017: Three Scenarios (2007). Parliament of Finland. The Committee for the Future. Ed.by Osmo Kuusi, Hanna Smith and Paula Tiuhonen.
- Russia of Challenges. Finnish Ministry of Defence (2008).
- Sakwa R.* (2004) *Putin Russia's Choice*. Routledge.

- Sakwa R.* (2008) *Russian Politics and Society*. Routledge.
- Sutela P.* (2007) The Economic Future of Russia // *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. № 1.
- Sutela P.* (1999) *The Road to the Russian Market Economy. Selected Essays 1993–1998*. Kikimora Publications.
- Turunen M.* (2005) *Faith in the Heart of Russia: The Religiosity of Post-Soviet University Students*. Kikimora Publications.
- Williamson J.B., Howling S.A., Maroto M.L.* (2006) The political economy of pension reform in Russia: Why partial privatisation? // *Journal of Aging Studies*. № 20.
- World Bank (2000): *Making Transition Work for Everyone: Poverty and Inequality in Europe and Central Asia*. Washington.
- World Bank: *Transition (2002). The First Ten Years // Analysis and Lessons for Eastern Europe and for the former Soviet Union*. Washington.